

НАРОДНАЯ ОСНОВА ВОЕННОЙ ЛИРИКИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

© 2005 Т.В. Мануковская

Воронежский государственный университет

*Не бойтесь убивающих тело,
Души же не могущих убить!
Еванг<елие> от Матф<ея>, X, 28.*

Николая Клюева, русского поэта начала XX века, называют “поэтом из народа”. Его творчество связано с фольклором и бытом северорусской деревни. В произведениях Клюева воскресают древние былины и легенды, величественные сказы и трогающие душу своей искренностью народные напевы. Вот характеристика Николая Клюева, затравленного в двадцатые годы и убитого в конце тридцатых именно за связь с истоками народной культуры: “Клюев — пришелец с величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоится в эллинской важности и простоте. Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Баратынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя” [9, 265]. К сожалению, существуют и другие мнения литераторов по поводу народной основы лирики Клюева. О произведениях поэта, как и о самом авторе, до сих пор печатается много неверных и пристрастных отзывов. Данной статьей на примере военной лирики Клюева попытаемся создать правдивое мнение по этому вопросу.

В своих произведениях Клюев говорит от имени народа, говорит народным языком. Это и послужило основанием для некоторых критиков утверждать, что многие стихи Клюева — это просто “обработка материала народного, подлинной народной песни, что чересчур чувствуется под стихами” [5, 2]. Но народные певцы создавали свои песни в духе уже сложившихся народных традиций, чем и объясняются в фольклоре одинаковость поэтических приемов — постоянные эпитеты и параллелизмы, приемы ступенчатого сужения образов и тавтологических повторов. Индивидуальность творца не была еще четко обозначена, поэтому народный певец творил в духе существовавших фольклорных традиций, как создал бы любой другой автор. Поэзия же

Клюева слишком индивидуальна и оригинальна, что проявляется во всем: и в авторских образах, и в олонецкой диалектной лексике, и в патриархально-религиозном мироощущении поэта. Вышедший из “гущи народной”, Клюев удивительным образом соединил в себе думы народные и глубокую образованность, общую и поэтическую. “Баснослов-баян, он... вольно слагает свою “песню-золото”, как слагали его предки, и говорит тем же местным наречием, каким говорят его односельчане” [11, 53]. И хотя “у Клюева много стихов шероховатых, неудачных... но у него нет стихов мертвых” [2, 430].

Характерной особенностью личности Клюева являлся тот факт, что он выступал не только как поэт-писатель, но и как поэт-артист, творивший себе образ сказителя древнерусского склада. Это и было чаще всего причиной противоречивых высказываний критиков по поводу личности поэта и по поводу его произведений. Легенды, которые о нем создавала публика, часто пополнялись историями, придуманными самим Клюевым. Отрицательное отношение к автору нередко переносилось и на его стихи. Исследователь И. Гречаник в недавней публикации 1999 г. говорит, что, “называя поэта “крестьянским” или “народным”, “национальным”, необходимо предъявить доказательства, а таковых нет. Следовательно, мы вправе говорить о нерусскости поэта Н. Клюева, его интернациональности, ориентации на язычество, сектантство и мистическую переоценку своей личности” [7, 6]. Игра “в мужичка” только навредила поэту. Личность Клюева была значительно сложнее, чем напущенный на себя облик. На деле же различные “выпады Клюева суть не что иное, как вибрации большой личности... и что Клюев в те моменты, когда сам слагал про себя небылицы, верил в них как в поэтический и желанный вымысел” [13, 4].

К фольклору Клюев пришел не сразу. В его ранней лирике преобладала книжная речь с незначительным использованием народных эпитете-

тов и метафор. Стихи этого периода нередко объединяют в так называемый “казарменный” цикл, где явно угадывается сугубо личное (за участие в крестьянских волнениях Олонекской губернии Клюев в 1906 г. полгода провел в тюрьме). Будни солдатской жизни сопоставляются с тюрьмой: “Горниста смолк рожок” (1907), “Прогулка” (1907), “Казарма” (1907) и др., где явно бросается в глаза тяжеловесный слог и небольшое количество фольклорных образов. Постепенно Клюев все больше и больше склоняется в сторону фольклора, используя в разбойничьих и тюремных песнях волшебные сюжеты, народную метонимику. Стихотворение “Под плакучей ракитой” (1908) уже характеризует поэзию Клюева как “народную” и “национальную”. Поэт показывает противостественность смерти молодого юноши, который “На прогалине открытой / Распростертый умирал” [8, 95]. Рана оказалась смертельной, и “измученный взор” уже не мог ни “оглядеть просторы”, ни увидеть “умирающее” над пустыней солнце. На лексическом уровне отмечаем частое употребление слов, связанных с темой смерти и страдания. В духе народных традиций использует Клюев образ ворона – символа смерти, заката солнца – символа конца жизни, ракиты – символа горя и печали:

*Вечер близится к пределу,
Затемнялась неба гладь.
К остывающему телу
Не пришла родная мать.
В вечный путь не снарядила
Дорогого мертвеца,*

*Кровь багровую не смыла
С просветленного лица.
Только заревом повита,
От заката золотым,
Одинокая ракита
Тихо плакала над ним [8, 95].*

Поэт не говорит о причине смерти юноши, но горе матери непомерно, коли она своего сына по христианской традиции “в вечный путь не снарядила”, в последний раз его не умыла – “кровь багряную не смыла”. Еще один немаловажный момент подмечен Клюевым – “просветленное лицо” юноши. Патриархально-религиозный русский народ верил, что просветленные лица бывают у тех, чьи души отлетают в рай. И совсем уж в духе народных традиций Клюев говорит, что природа оплакивала юношу: “Одинокая ракита / Тихо плакала над ним”. Обращение к силам природы – постоянный художественный прием Клюева, которым он будет пользоваться на протяжении всего своего творчества.

В другом стихотворении раннего периода – “Песне о мертвом женихе” (1908), первая же картина низко склоненной “маковки у надрубленной березыньки” настраивает читателя на горе горькое девушки, оплакивающей погибшего в боях суженого. Все стихотворение пронизано тоской, от которой

*Та березка белокожая,
Деревинка не ядреная,*

*До сырой земли наклонится,
Как былинка переломится [8, 113].*

Под образом “березки белокорой” подразумевается девица, горюющая о мертвом женихе. Стихотворение построено по принципу сужения образа. Следующим ведущим лицом является стрелок, которого девушка просит не стрелять в лебедушку, а поразить стрелой “каленовострую / Птицу – ворона могильного”. В образе ворона по народной традиции представлены темные силы. Затем со своим горем великим девушка обращается к “солнцу огнеокому”, чтобы оно не роняло “закатна золота / Во озерышко глубокое”. Страдания девушки нестерпимы, горе сравнивается с “медным колоколом, / Непогодою надколотым”. Как излить “золотоликое, / Горе девичье великое”? И тогда у Клюева “запеваает песню горюшко”, и разливается “быль-кручинушка ладословная”, рассказывающая о тоскливом девичьем одиночестве. На приеме контраста Клюев показывает, что жизнь в природе хоть и надломлена, но она все же продолжается дальше, и тем тоскливее и безысходнее представляется положение девушки – навеки оставаться одинокой и “неприголубленной”:

*Петухи поют дворовое,
Пташки жубруют садовое,
Кличут-чивкают зазнобушек,
Конопляников-воробушек,
Только мне, неприголубленной,
Кликать некого в окошечко,*

*Во светлице новорубленной
Одинокой тяжелешенько.
Не придет по подоконью
Богосуженый с гармоникой,
Не зажжет звонкоголосую
На лице зарю малинову.*

Как обычно Клюев проводит мотив о безвременно оборвавшейся жизни. Девушка обращается не к своему погибшему жениху, а к его гармонии, отношению к которой у поэта негативное:

*Ты пошто, гармонь звончатая,
До поры обезголосилась —*

*Не попела, не дославила
Жизнь-кручину молодецкую.*

Стихотворение заканчивается обращением — призывом пожалеть бедную девушку, не виться “вихрям звонким /Вкруг стекольчата окошечка”, не бередить девичью душу, а петь в лесу, над озером, “над окольною дороженькой”. “Песня о мертвом женихе” написана в духе народных песен с постоянными обращениями к силам природы: то к “солнцу огнеокому”, то к “вихрям звонким”. Показывая разлад в природе, поэт тут же говорит о “жизнь-кручине молодецкой”, которая “Красён жар с лица повывела, /Довела головку буйную /До брусовой перекладины”.

В произведениях с военными мотивами нет натуралистических сцен войны, как нет и описания военных действий. Настроения огромного человеческого горя, которое принесла война, противоестественность войны достигаются другими средствами. На противопоставлении построено стихотворение “Обидин плач” (1908, 1918), имеющее подзаголовок “Современная былина”. Говоря о предстоящем “гульном гуляньице — /Пир — мирском столованьице”, Клюев описывает праздничные наряды “девушек-согревушек” и костюмы “дородных добрых молодцев”:

*Будут поднизи плетеные,
Сарафаны золоченые.
У дородных добрых молодцев,
Мигачей и заливчатиков,*

*Перелетных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха,
Опояски Соловецкие,
От семи шелков плетеные [8, 98].*

Героиня же идет на гулянье в “старо-старом рубище, /Нищим лыком опоясана...”. От ее нерадостного вида “сгомонились красны девушки”, “притулились” на завалины “парни ражие, удалые”. Старики старые да дети малые меж себя начали толковать:

*Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, носом в землю ключи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забезжало частой роцею,
Корбой темною, дремучую,
Через лягу — грязь топучую.
Во селенье домовитое [8, 98].*

Нарушена мирная жизнь молодых парней, у которых “... время не догуляно, /Зелено вино не допито, / Девицы не доцелованы”. И стала тут девица “озеро выпрашивать.../Про святую Русь крещеную”. А вести предстояло услышать девушке нерадостные. Это видно из того, как Клюев описывает природу:

*Понабережье насупилося,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала —*

*Зерню горькою прокапала, —
Рыба в заводях повытухла,
На лугах трава повывязбла...*

Глядя в озеро, девушка увидела поле брани, усыпанное костями убитых воинов:

*Как на полюшке кровавоём
Головами мосты мощены,
Из телес реки пропущены,
Близ сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплются...*

Поэтому и вышла девушка на “широкое гуляньице” такой невеселою и “непутною”.

Рисуя в стихах опустевшие молитвенные деревни, осиротевших детей, неутешное горе матери, потерявшей единственного сына, почерневшие от непомерного труда и печали лица женщин-вдов, ощущаешь весь ужас происходящего. В стихотворении “Ты все келейнее и строже” (1908) через печаль героини, через ее задумчивый серьезный образ поэт показывает, что в доме горе, не зря же “Глухая мать сидит за пряжей — / На поминальные холсты” [8, 109]. Вся природа находится в напряженном предчувствии, она вовлечена в общее настроение стихотворения. Поэт рисует дальше нереальные картины мирной жизни, представляя в них отдавших в боях свою жизнь родных как живых: повешенный отец “с веревкой на шее /Придет и сядет к камельку”, жених с простреленной грудью, сестра, погибшая в бою — все соберутся к вечеру в родном доме, лишь “Смерть останется за дверью”. Поэт воспевает долготерпение женщины, а “за боль, за подвиг плача” ей воздастся от Бога, — “Вручатся вечности ключи”.

Нередко в стихах с военной тематикой Клюев использует сказочные образы, как “Садко”, “гусли-самогуды”, “Жар-птица”. Мужики-крестьяне у поэта не солдаты, а “други-воины” (“Без посохов, без злата”, 1912), у которых в руках не ружья, а былинные атрибуты — “жар-булат”, “шапка-золото” (“Небесный вратарь”, 1915):

*Здесь воины погибли,
Лежат булат, щиты...*

*Пред нами вечных библий
Развернуты листы [8, 168].*

В ранней лирике Клюев смотрит на будущее с оптимизмом. Конец своего пути он сравнивает с эшафотом и стремится идти к нему “новобранно” и с “огнекрылой душой”. Поэт уверен в победе и призывает (**“Завещание”, 1908**):

*Но, верна словам завета,
Слезы робости утри*

*И на проблески рассвета
Торжествующе смотри [8, 108].*

Стихи Клюева имеют фольклорную основу, но казалось, что нужна была особая обстановка, экстремальные условия, чтобы народный голос поэта достиг своей наивысшей точки, наибольшей широты и размаха. Беда, стихийно пришедшая на Русь в 1914 году, горе и несчастье, которые принесла I Мировая война в каждый дом, не могли не вызвать отклика у поэта. Существовавшая к этому времени “искусственная” поэзия города не давала, за редким исключением, ничего выдающегося, что бы отражало время народного бедствия. Самый мудрый и глубокий из поэтов-крестьян, Клюев стоял в стороне от противоречивых литературных течений того времени. Все национальное пробивало себе дорогу с большим трудом. Война вернула русскую душу к народным истокам, переоценила все ценности. Деревня должна была откликнуться на происшедшие в стране события. На это всенародное горе не могло не ответить творчество Клюева, и оно откликнулось циклом “Мирских дум”, откликнулось также могуче, как и само стихийное бедствие. Клюев придавал этим стихам особое значение, о чем впоследствии он скажет в поэтическом цикле **“Поэту Сергею Есенину” (Между 1916 и 1918)**:

*Лихолетья часы железные
Возвести войны пожар, -*

*И “Мирские думы” болезные
Я принес отчизне как дар [8, 298].*

Военная тема особенно полно отражена Клюевым в **“Мирских думах” (1915)**. К моменту выхода в свет этого стихотворного цикла Клюев был автором уже трех поэтических сборников: “Сосен перезвон”, “Братские песни”, “Лесные

были”. Многие критики по достоинству оценили поэтический труд Клюева, отметив, что цикл “Мирские думы” действительно и полно отражает свежую, яркую, самобытную творческую личность автора, певца русской деревни и русского эпоса” [3, 1]. Художественные образы Клюева созданы в духе традиций русской национальной культуры (**“Что ты, нивушка, чернешенька”, 1915**):

*Оттого, человеке, я выгляжу
Срубом-церковкой в пуще забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву-Пятенку с Теплым Николою [8, 272].*

Такие строки мог создать человек, глубоко любящий свою землю и свой народ. Клюев показал, что есть в деревне то, что можно любить и что можно воспевать!

Первый раздел цикла “Мирские думы” имеет подзаголовок “Памяти храбрых” и захватывает читателя уже с самых первых строк: “В этот год за святыми обеднями / Строже лики и свечи чадней” [8, 269]. Название книги “Мирские думы” неслучайно, оно отвечало думам и чаяниям народа в военное время — в годы лихой годины I Мировой войны. За какие идеалы поднялся русский народ? В стихотворении “Мирская дума” Клюев отвечает на этот вопрос, что поднялись мужики — Пудожане

*С заонежской кряжистой Карелой,
С каргопольскою дикой Лешнею,
Со всею полесной хвойною силой,
Постоять за крещёную землю,
За зеленую мать-пустыню,
За березыньку с вешей кукушкой [8, 264].*

Не пошлый раздел мировых рынков, не политические цели войны толкали простого крестьянина оставлять свои дома и семьи и идти воевать. Русский народ шел на защиту святой Руси, на защиту Земли-Матери, на защиту белоствольной березки с вешей кукушкой, за волю вольную, за мужицкий рай — на защиту всего святого, что так дорого простому крестьянину. Но война — это зло, и Клюев в своих стихах постоянно говорит о противоестественности войны. Потому русский мужик, выйдя на поле брани, задумался, как найти “помеху злему кроволитью”: “Что помеха злему кроволитью — / Ум-хитрец аль песня-межеумка, / Белый воск аль черное железо?” Набожные мужики спрашивают совета у “Лазаря преподобного”, который пришел на поле брани благословить воинов не откуда-нибудь, а

из старообрядческого сивовья: “Из-под ели двадцать вершинной, /От сивовья Муромского плеса”. “Лазарь всечудный” ответил “ратоборцам”, что дело не в “уме-хитреце”, что пятьсот лет он “почивал...”, “об уме не тшася”, а “проклятым от века” считает железо: “Им любовь пригвождена ко древу, /Сожаленью ребра перебиты, /Простоте же в мир врата закрыты”. Просветление душе надо ждать только от “белого воска” и “песни-недоумки”:

*Белый воск и песня-недоумка
Истекли от вербы непорочной:
Точит верба восковые слёзы*

*И ведет зеленый тайный причит
Про мужицкий рай, про пир вселенский,
Про душевный град, где “Свете тихий”.*

Христианская вера для русского мужика важнее всего, а потому

*И тропарь зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет,*

*Не подрубит яблони цветущей
И веслом бездушным вод не ранит...*

Поблагодарили “Лазаря лешане, Каргополы, лопь и пудожане”, так как были слова святого Лазаря им утешением и отрадою, будто

*Сказ блаженный, как “баю” над зыбкой,
Что певала бабка Купариха
У Дедери Храброго на свадьбе.
Был Дедеря лют на кроволитье,*

*После ж песни стал как лист осенний:
Сердцем в воск, очами в хвой потемки,
А кудрями в прожельть листопада.*

Пускай действительность даже в мирное время расходится с этими идеалами, но главное, что есть они в душе простого человека. Оттого и страшно вольному человеку, волею судьбы оторванному от земледельческого труда, перед надвигающимся потоком “железного царства”, ужасом фабричной промышленности, под которым Клюев понимал город и его цивилизацию. Особенно ярко это противопоставление “железного царства” и простой земледельческой жизни видно в “Беседном наигрыше”, (1915):

*В стороне, где солнышко ночует
На кошке, за пологом кумачным,
И где ночь-горбунья зелье варит,
Чернит косы копотью да сажей,*

*Под котлом валежины сжигая,
Народилось железное царство
Со Вильгельмищем, царищем поганым. —
У него ли, нечестивца, войска — сила,
Порядового народа — несусветно [8, 273].*

Прусский король Вильгельм II, объявивший России войну, представлен у Клюева как “нечестивец”, который “на себя креста не возлагает”, постов не соблюдает, христианских праздников не признает, в Семик-день в парную баню с венником не ходит. Как всегда Клюев использует прием противопоставления: “железного царства” — природному, пахотному, упрекая врагов наших в том, что не кличут они “Матушку ржаную Удилену”. В этих упреках весь он — русский крестьянин. Образ железа также связан у Клюева с войной. “Железный царь” взял в плен не только людей, но и всю природу:

*Царь железный пыхает речами:
“Голова ль моя — умок лукавый,
Поразмысли ты, пораскумекай,
Мне кого б в железо заковати?”*

*Ожелезил землю я и воды,
Полонил огонь и пар шипучий,
Ветер, свет колодниками сделал,
Ныне ж я, как куропоть в ловушку,
Светел Месяц с Солнышком поймаю...*

Виды у царя железного на Русь огромные: хочет он “Выжать рожь на черниговских пашнях, /Волгу-матку разлить по бутылкам”. На помощь плененной Руси Клюев призывает Петра-апостола и Пятенку-деву:

*И рекли святые: Мать-Планида,
Под скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать. На резвы ноги,
Повести-ка Русь о супостате.*

Матушка-Планида райскими ключами выволила “из каменной неволи” ангельскую птицу Паскарагу. “И запела ангельская птица, /О невзгоде Русь оповещая”. Своими тремя “зыками” заставляет она поднять “старичище, по прозванию Сто племен в едином”, чтобы спасти Русь от чужестранной нечисти. И понял “старичище”, что “...Эту погань, /Словно вошь на гаснике, лишь баней, /Лютым паром сжить со света можно”. В следующей картине Клюев доходит до вершин своего поэтического творчества:

*Черпанул старик воды из Камы,
Черпанул с Онеги ледовитой,*

*И, дополнив ковш водой из Дона,
Три реки на каменку опружил.*

*Зашипели Угорские плиты,
Взмыли пар Уральские граниты,
Валуны Валдая, Волжский щебень
Навострили зубья, словно гребень.*

Огромного размаха в изображении русских богатырей, пришедших на защиту Руси-матушки, находим и в стихотворениях **“Гей, отзови-тесь, курганы” (1915)**: “Муромцы, Дюки, Поточки /Русь и поныне блюдут” [8, 256]. Витязям после победы приготовлены места в светелке у баб, по русской традиции – духмяные веники и сусло:

*Ждут его сусло, что пенник,
Гребень-шептун перед сном,
В бане ж духмянистый веник,
Шайка с резным ободком.*

А с какой широтой показан образ богатыря в стихотворении **“Русь” (1915)**:

*У детины кудри – боры,
Грудь – Уральские хребты,
Волга-реченька – оборы,
Море синее – порты [8, 227].*

Рисую могучую картину поднявшейся против “супостатов” Руси, горе остается “неутешным”, от того и посерьезнели лица у матерей и детворы (**“В этот год за святыми обеднями”, 1915**):

*В этот год за святыми обеднями
Строже лики и свечи чадней,
И выходит на паперть последними
Детвора да гурьба матерей.
На завалинах рать сарафанная
Что ни баба – то горе-вдова;
Вечерами же мглица багряная
Поминальные шепчет слова [8, 269].*

Многие стихи на военные темы написаны в жанре духовных стихов, которые сложились в результате соединения христианской религии с фольклором. Поэтому у Клюева так часто перемежаются церковно-славянские слова (храм опостольный, благовест, преоблаженный рай, Божий дух), имена святых (архангел Михаил, Иван Златоуст, Алексей тишайший) с фольклорными и мифологическими образами и выражениями (“голосалебединые”, “по трикраты лобзают страдателей”, “озимь ярая”, “раны черные заживляючи”, “поезд огненный”, “звездные мерини”, “виноград-трава”, “избы новые”, “пашни воль-

ные”, “храбры душеньки”). В жанре духовного стиха написан **“Слезный плат” (1915)**, посвященный солдатской матери, потерявшей “платочек слезный”, в котором слез, “словно рос на покое”. Пробирившийся в пустыню калика увидел его: “На платок он умильно воззрился, /Величал его честной слезницей” [8, 285]. Калика взял с собой этот “платок слезный” и освятил его в келье, молясь Гурию-Свету, “Чтобы вражья поганая сабля /При замашке закал потеряла”. Клучшим образцам лирики Клюева относится стихотворение **“Что ты, нивушка, чернёшенька” (1915)**, где поэт рисует неспаханнные опустевшие поля, на которых ничего не выросло, только “Неедняк-трава с горькой пестушкой”:

*Оттого я, свет, чернотой пошла,
По омежикам замуравела,
Что по вёдру я не косулена,
После белых рос не боронена,
Рожью низовой не засеяна... [8, 270].*

Поэт обращается к избе, отчего она “пошатила, /С парежа-угара аль с выпивки”, задает вопросы “дороге-путинушке дальней”, отчего она “курится, /Обымается копотью каменной”. Наибольшего трагизма достигает обращение к “ели-кружевнице трущобной”:

*Оттого, человеце, я выгляжу
Срубом-церковкой, в пуще забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву-Пятенку с Теплым Николою,
Припадала, как к зыбке, к валежине,
Называла валежину Ванюшкой;
После мох, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернелые...*

Перед нами открывается страшная в своем трагизме картина горя осиротевшей матери, потерявшей, возможно, единственного сына. По драматизму можно причислить эту картину к художественным вершинам творчества Клюева. Души убитых воинов попадали непременно в рай, потому неслучайно в стихах Клюева изображены святые апостолы, указывающие им “к раю дорогу”. Рай по-русски означает пищевое довольство, “расписные енды”, “миски с киселем” (**“Небесный вратарь”, 1915**):

*Там столы стоят неуедные,
Толокно в меду, блинник масляный;
Стежки торные поразметаны,
Сукна красные поразостланы [8, 256].*

Стоит указать на стихотворение “**Поминальный причит**” (1915), написанного в духе поминального плача, где оживают убитые на войне воины, а их “покойные солдатские душеньки... подают голоса лебединые”. Христианско-православный обряд поминовения усопших очень древний, но до сих пор почти без изменения бытует в народе. Души погибших в боях солдат воспринимаются материально, осязаемо. Они сами по себе справляют поминальный молебен “по своим телесам окровавленным”, после чего на “огненном поезде” отправляются туда, где “Все солдатушкам уготовано, /Храбрым душенькам облюбовано” [8, 266]. Реальное и вымышленное перемежается, умершие солдаты представлены поэтом, как живые души. Естественно воспринимается и встреча с “грознокрылым Михаилом – архангелом”, покровителем солдат, и с “громовником Ильей”, и с “Еремой-запрягальником”, которые должны отвести гостей на “огненном поезде”, запряженном “звездными меринами с колымагами” в “преоблаженный рай”. Издавна существовало отличие церковной и народной трактовки смерти. Христианство рисует смерть, или загробную жизнь, как покой и блаженство. Судя по трагичности всего похоронно-поминального обряда и о множестве охранительно-магических ритуалов, в сознании народа путь в загробный мир изображался “безызвестной дальней дорожкой”, смерть представлялась “ужасной”. Клюев, следуя народной традиции, рассказывает, как “горние воины /С грознокрылым Михаилом архангелом” стараются успокоить воинов и изгнать “из душ боязнь смертную”. Народное представление о смерти идет явно в разрез с христианским верованием. Евангелие призывает “не поддаваться чрезмерной скорби” [1, Сир. 38, 18-21], плакать тихо. Подчеркивая страх народа перед смертью, Клюев одновременно соблюдает христианские каноны и пишет весь свой “Поминальный причит” в настроении умиротворенности. По характеру все плачи лиричны, хотя и не лишены эпических приемов. Народная форма причетов отличается речитативностью, остановками и замедлениями, элементами разговорной речи (восклицаниями, вопросами к умершему, обращениями к нему). Общим местом народных плачей считается обращения к умершему. У Клюева в “Помином причите” нет обязательного в народных плачах непосредственного обращения к умершим “храбрым душенькам” солдатским. Фольклорный колорит достигается внесением в поэтические фразы обилия инверсий, что придает речи взволнованность (“поле убойное”, “мглой столбовитою”, “голоса лебединые”). В отличие от простой речи, в народных похоронных причитаниях нередко лексические новооб-

разования, придающие словам превосходную степень. Это подмечает и Клюев, используя словосочетание “преблаженный рай” (вместо “блаженный рай”). Немало в “Помином причите” и фольклорных эпитетов, придающих клюевским стихам народный колорит: “озимь ярую”, “боязнь смертную”, “телеса окровавленные”. Клюев точно передает в этом стихотворении народные обычаи и традиции поминального обряда, например, такой момент, как отлет души от тела. Автор как бы со стороны видит, как

*Покойные солдатские душеньки
Подымаются с поля убойного:
До подкустья они – малой мошкой,
По надкустью же – мглой столбовитою.*

В системе похоронно-поминального обряда ритуалы сорокового дня (“сороковины”, по-другому – обряд “душу провожать”), соотносящиеся с Вознесением Христовым, занимают особое место. До 40-го дня душа витает над землей, мучаясь неопределенностью. В “Помином причите” передан именно день “сороковин”, когда души погибших воинов дымкой витают над землей, прощаясь с ней перед тем, как отправиться на небеса:

*В Божьих воздухах синью мерещатся,
Подают голоса лебединые,*

*Словно с озером гуси отлетные,
С святорусской сторонкой прощаются.*

Ритуал “проводов души” проходил как на уровне действий, так и на уровне предметно-вещной символики. Основным христианским обрядовым действием был молебен, о чем читаем у Клюева, где “покойные солдатские душеньки” заказывают себе “поминальную служебку”. Точно переданы и народные верования в “грознокрылого” Михаила архангела, который встречает души умерших у врат рая. У него находятся и ключи от рая, потому в народе его неслучайно называли “грозным”. Бытует множество народномифологических обоснований обрядности сорокового дня и связанных с ним ритуалом “проводов души”. Христианско-православный обряд “отпевания покойного” и народный обряд “проводы души” поэтически сохранен Клюевым в “Помином причите”, где христианское содержание связано с привычным крестьянину народным. Поэт повествует, как после троекратного “лобзания”, Михаил архангел ведет солдат на отпевание “солдатской душеньки” в храм апостольский:

*У заставы великой, предсолнечной,
Входят души в обличье плотское,
Их встречают там горные воины
С грознокрылым Михайло архангелом,*

*По трикраты лобзают страдателей,
Изгоняют из души боязнь смертную.
Опосля их ведут в храм апостольский —
По своим телесам окровавленным
Отстоять поминальную службу.*

Старообрядец по взглядам, Клюев представляет в “Помином причите” конечно же древлеправославный молебен:

*Правит службу им Аввакум пророк,
Чтет Писание Златоуст Иван,*

*Херувимский лик плещет гласами,
Солнце-колокол точит благовест.*

Божий Дух, сошедший на “солдатушек”, Клюев сравнивает с теплым дождем на озимь ярую, смывающим “горечь бранных дней” и насыщающим души “брашном ангельским”. Характерной особенностью поэтического языка Клюева является использование местных, старинных и редко употребляемых слов. Не исключением стал и “Поминный причит”, где “веи сладкие” означают “ветры сладкие” [8, 993], “брашно ангельское” — “пища, еда ангельская” [8, 992]. Громовник Илья и запрягальник Ерема везут пришедшие в рай души на “огненных конях”. Это древнее народное представление о пути в рай точно передал Клюев:

*Напоследки же громовник Илья,
Со Еремою запрягальником*

*Снаряжают поезд огненный, —
Звездных мерин с колымагами,
Отвезти гостей в преображенный рай.*

В народе рай представлялся как место всеобщего блаженства и умиротворения, а врата в рай — “предсолнечная застава”, за которыми

*Веси красные, избы новые,
Кипарисовым тесом крытые,*

*Пожни сенные — виноград-трава,
Пашни вольные, бесплатежные...*

Тема победы жизни над смертью, тема вселенского воскресения — ключевая в поэзии Клюева, но победа всегда связана с мыслью о потерях. По Далю глагол “победовать” означает “мно-

го вынести, потерпеть беды” [7, 52]. Победить — значит превозмочь беду, а победа — это то, что наступает после беды. Победа по-русски — это выстраданное облегчение после беды, недаром же русский мужик после беды облегченно вздыхает. Для поздней лирики Клюева характерны пессимистические настроения. Победа у Клюева всегда окрашена печалью: осиротевшие семьи, опустевшие поля, обветшавшие крестьянские избы — вот что принесла с собой война. Но каким бы тяжким ни было горе, отношение у русского крестьянина к смерти однозначное — смирение, поскольку душа человеческая бессмертна (“Из кровавого окопа”, 1918): “Меня сегодня убьют, / Но смерть не разлука...” / Из окопных братских писем [8, 375]. По христианскому верованию “смерть — это есть час второго рождения в Истинную и Вечную Жизнь. Одна форма жизни погибает, чтобы дать место другой. Этой циклической преемственности жизни и смерти с необходимостью подлежит и человек как часть мира” [4, 31]. Клюев представляет образ смерти довольно разнообразно: то это “смеретёнушка — старая тётушка”, то “Бледный Конь”, то “черный ворон”, но везде этот образ несет на себе негативный окрас. С темой войны и смерти Клюев связывает еще один образ — серого волка, который способен предвещать войну, мор, голод. Непременным условием попадания в рай Клюев считает истинную веру, т. е. голгофское христианство. Самосожжение нужно для того, чтобы “не погибнуть зле своим” [10, 174], т. е. чтобы спастись от зла, искупить и очистить свою душу (“В моем раю обитель есть”, 1911):

*За непреклонные врата
Лишь тот из смертных проникает,
На ком голгофского креста
Печать высокая сияет [8, 144].*

Согласно мировоззрению Клюева (“Песнь похода”, 1912) — “Чем труднее испытания, / Тем ближе победы час” [8, 153]. “У Клюева ... с удивительной силой передан откровенный мотив активно-христианской, голгофской мысли: финальное прощение самых страшных грешников, полное искупление зла, причем с тончайшим, истинно Христовым пониманием, что возможность такого прощения может исходить (или не исходить) только от самих человеческих сердец” [12, 25-26]. Кульминационное прощение убитыми “убийц своих” читаем в “Песни похода” (1912):

*Чем смертельней терн и гвозди,
Тем победы ближе час...
Избежав могильной клетки,*

*Сопричастники живым,
Мы убиц своих приветим
Целованием святым [8, 154].*

Всю жизнь Клюев хотел одного, мечтал о том, чтобы все жили в мире, чтобы не было вражды между людьми, чтобы земля не стонала от боли и горя (**“Я был прекрасен и крылат”, 1910, 1911**):

*Лишь одного не достает
Душе в подветренной юдоли, -
Чтоб нив просторы, лоно вод
Не оглашались стоном боли,
Чтоб не стремил на брата брат
Враждою вспыхнувшие взгляды,
И ширь полей, как вертоград,
Цвела для мира и отрады [8, 135].*

Мечта о будущем исчезновении зла имеет у Клюева особенности: смерть не просто исчезает, она превращается в добро. Этим добром у Клюева является возрожденный подводный Китеж, о чем поэт будет говорить до конца своей жизни (**“Уму – республика, а сердцу – Матерь-Русь”, 1917**): “Моя слеза, мой вздох о Китеже родном, / О небе пестрядном, где звезды-комары, / Где с аспидом дитя играет у норы” [8, 355]. Драматично сложившейся судьбой Клюев глубоко поплатился за братскую трапезу с демонами, поэтому все меньше иллюзий оставалось у него и все больше появлялось в стихах пессимистический настрояний.

Итак, поэзия Н. Клюева – глубоко народна и национальна, что ярко проявляется в его военной лирике. В стихах раннего периода отражаются бунтарские настроения поэта, активно участвующего в крестьянских мятежах. Цикл “казарменных” стихов представлен фольклором лишь в виде отдельных эпитетов и метафор. Но очень скоро Клюев полностью переходит в лоно фольклора. Если ранняя лирика была оптимистична, поэт постоянно призывал к борьбе, то с каждым годом в стихах Клюева все чаще появляются мрачные и даже пессимистические настроения. В военной лирике у Клюева нет описания боев и натуралистических сцен войны. Драматизма человеческого горя поэт добивается путем противопоставления довоенной мирной жизни и безутешного горя, которое принесла с собой война. Рисуя разлад в природе, невспаханые и заросшие бурьяном поля, почерневшие от горя лица женщин, обездоленных детей, поэт достигает вершин художественного мастерства. Поэт верит в победу, но она по русской традиции всегда овеяна печалью. Отношение к смерти –

христианско-смирненное, причем в творчестве Клюева передан мотив активно-христианский голгофской мысли, заключающийся в прощении своих врагов. Смерть у Клюева не просто исчезает, а превращается в добро, в чем выражается мечта Клюева в вечный мир на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. – М.: Российское Библейское общество, 2004. – 1376 с.
2. Брюсов В. Среди стихов. Предисловие к книге Н. Клюева “Сосен перезвон” / Николай Клюев. Белая Индия. Отв. ред. Н. В. Алехина. – М.: Издательский дом “Летопись – М”, 2000, – с. 429-430.
3. Бухарова З. Николай Клюев. “Мирские думы” / З. Бухарова. – (<http://kluev.org.ua/critics/buch.htm>)
4. Василиадис Н. Тайнство смерти. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. – 592 с.
5. Венгров Н. Николай Клюев. Мирские думы” / Н. Венгров. – (kluev.org.ua/temukazatel.html)
6. Гречаник И. В. Религиозно-философские и стилевые тенденции в лирике первой трети XX века (Д. Мережковский, А. Блок, Н. Клюев). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Армавир, 1999. – 13 с.
7. Даль В. Иллюстрированный словарь живого русского языка / В. Даль // Собр. соч.: В 2 т. – СПб.: Издательский Дом “Нева”, 2004. – Т. 2. – 560 с.
8. Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – 1072 с.
9. Мандельштам О. Письмо о русской поэзии / О. Мандельштам // Собр. соч.: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2. Проза. – С. 263-266.
10. Никольский Н. М. История русской церкви. – М.: Изд-во политической литературы, 1985. – 448 с.
11. Сакулин П. Народный златоцвет / Цит. по: Н. И. Неженец. Поэзия народных традиций. – М.: Наука, 1998. – 208 с.
12. Семенова С. Поэт “поддонной” России // Николай Клюев. Исследования и материалы. Российская Академия наук. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: “Наследие”, 1997. – 306 с.
13. Шульговский Н. О “Мирских Думах” Н. А. Клюева / Н. Шульговский. – (<http://kluev.org.ua/critics/shulgovsky.htm>)